Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 50.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):50.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 342.9:004.738.5
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_50

ОТ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТЕНТА К РЕГУЛИРОВАНИЮ ПОИСКА: СТАТЬЯ 13.53 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И РЕКЛАМА СРЕДСТВ ДОСТУПА

СПАРТАК Сергей Андреевич
Кандидат политических наук, доцент кафедры философии языка и коммуникации философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

Аннотация: Цель исследования – определить правовую природу статьи 13.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, запрета рекламы программно-аппаратных средств доступа к ограниченным ресурсам и их значение для практики. Использованы формально-юридический, системный и функциональный методы, анализ опубликованных правоприменительных материалов. Обосновано, что формула «криминализация поиска» юридически неточна: законодатель установил административную ответственность за совокупность действий, включающую умышленный поиск, заведомо экстремистский характер конкретного материала и фактическое получение доступа к нему. Использование виртуальной частной сети является факультативным способом, а не самостоятельным основанием ответственности. Сформулирован стандарт цифрового доказывания, исключающий отождествление технического следа с установленной виной. Показана необходимость функционального профессионального исключения для добросовестной научной, журналистской, экспертной, адвокатской, правотворческой и правоохранительной деятельности. Значимость работы состоит в предложении гарантий, которые повышают доказательность и легитимность суверенного регулирования, не ослабляя государственную политику противодействия экстремизму.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, экстремистские материалы, статья 13.53 КоАП РФ, административная ответственность, умысел, заведомость, цифровые доказательства, реклама, виртуальная частная сеть, адвокатская деятельность, право на информацию

Для цитирования: Спартак С.А. От регулирования контента к регулированию поиска: статья 13.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и реклама средств доступа // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 50. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_50

Current Problems of Advocacy Practice

Original article

FROM CONTENT REGULATION TO SEARCH REGULATION: ARTICLE 13.53 OF THE RUSSIAN CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES AND ADVERTISING OF ACCESS TOOLS

SPARTAK Sergey Andreevich
Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of Language and Communication of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 27-4, Russian Federation

Abstract: The purpose of the study is to determine the legal nature of Article 13.53 of the Russian Code of Administrative Offences, the prohibition on advertising software and hardware tools for accessing restricted resources, and their significance for legal practice. Formal legal, systemic and functional methods were used together with an analysis of the first published enforcement materials. The article argues that the expression «criminalisation of search» is legally inaccurate: the legislature established administrative liability for a cumulative sequence comprising intentional searching, prior knowledge that a specific material is extremist, and actual access to it. The use of a virtual private network is an optional method, not an independent ground of liability. A standard of digital proof is proposed to prevent technical traces from being equated with established guilt. The article substantiates a functional professional exception for bona

© Спартак С.А., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

fide scientific, journalistic, expert, legal, legislative and law-enforcement activities. The proposed safeguards strengthen the evidentiary quality and legitimacy of sovereign regulation without weakening state policy against extremism.

Keywords: digital sovereignty, extremist materials, Article 13.53 of the Russian Code of Administrative Offences, administrative liability, intent, prior knowledge, digital evidence, advertising, virtual private network, legal profession, right to information

For citation: Spartak S.A. From Content Regulation to Search Regulation: Article 13.53 of the Russian Code of Administrative Offences and Advertising of Access Tools = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):50. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_50

Введение

Цифровая среда изменила не только скорость распространения противоправного контента, но и структуру его оборота. После ограничения первоначального ресурса материал может сохраняться в зеркалах, закрытых каналах, облачных хранилищах и алгоритмической выдаче. Поэтому государственная политика закономерно дополняет воздействие на автора и распространителя оценкой отдельных форм пользовательского поведения. Для России такая профилактическая логика связана с защитой конституционного строя, общественной безопасности и устойчивости национального информационного пространства, что закреплено в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [1].

В 2025 г. в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) появилась статья 13.53. Она установила ответственность граждан за умышленный поиск в сети Интернет заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним; санкция составляет от трех до пяти тысяч рублей [2, 3]. Одновременно законодатель ограничил рекламу программно-аппаратных средств, предоставляющих доступ к ресурсам и сетям, доступ к которым ограничен в соответствии с российским законодательством. Тем самым регулирование вышло за пределы классического запрета распространения и затронуло целенаправленный спрос на запрещенный контент.

В научной литературе новелла оценивается в контексте государственного контроля в информационном пространстве, противодействия распространению экстремистских материалов и принципа правовой определенности [4–6]. Более широкая административно-правовая доктрина обоснованно связывает эффективность информационных ограничений с их адресностью, предсказуемостью и процессуальными гарантиями [7–10]. Цель настоящей статьи – раскрыть конструкцию состава статьи 13.53 КоАП РФ, разграничить ее с рекламным запретом и предложить ориентиры для защиты по соответствующим делам. Методологическую основу составили формально-юридический, системный и функциональный методы, а также анализ опубликованных материалов практики.

Исходная гипотеза состоит в том, что новый состав является допустимым элементом цифрового суверенитета, если правоприменитель не подменяет доказательство умысла и заведомости самим наличием технического следа. Поэтому корректнее говорить не о «криминализации доступа», а об административной деликтизации специально описанного целенаправленного цифрового поведения. Такое понятийное уточнение важно и политически, и юридически: оно отделяет законную профилактику экстремизма от ответственности за случайное восприятие информации.

Конструкция состава статьи 13.53 КоАП РФ

Диспозиция статьи содержит несколько взаимосвязанных признаков, каждый из которых подлежит самостоятельному установлению. Во-первых, предметом выступает конкретный материал, включенный в опубликованный федеральный список экстремистских материалов либо относящийся к материалам, указанным в пункте 3 статьи 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Федеральный список формируется Министерством юстиции Российской Федерации на основании вступивших в законную силу судебных решений и воспроизводит индивидуализирующие признаки материала [11, 12]. Следовательно, общего интереса к радикальной идеологии, упоминания запрещенной организации или совпадения ключевых слов недостаточно: необходимо соотнести фактически открытый объект с юридически определенным предметом.

Во-вторых, «поиск» предполагает активное действие пользователя, направленное на обнаружение материала. Пассивное появление публикации в рекомендательной ленте, автоматическая загрузка превью, получение незапрошенной ссылки или демонстрация материала другим лицом не тождественны поиску. Иное толкование переносило бы на гражданина риски архитектуры платформы, которыми он не управляет, и размывало бы границу между событием и виной.

В-третьих, законодатель отдельно называет получение доступа. Неудавшийся запрос, неоткрывшаяся страница или запись адреса без подтверждения загрузки содержания не завершают объективную сторону. В цифровой среде это различие требует технической проверки: адрес может вести на удаленную страницу, заглушку оператора связи, иной файл либо изменившийся контент. Предмет доказывания включает не только факт обращения к унифицированному указателю ресурса, но и то, что именно было доступно в соответствующий момент.

В-четвертых, материал должен быть «заведомо» экстремистским для лица. Заведомость означает реальное знание о юридическом статусе конкретного объекта до поиска или в момент его осуществления. Ее нельзя выводить лишь из того, что материал фактически находился в списке: нормативная известность списка не равнозначна доказанности индивидуального знания о каждой позиции. Наконец, прямое указание на умышленный характер деяния исключает ответственность по модели неосторожности. В совокупности эти признаки образуют узкий состав, а не общий запрет интересоваться спорной тематикой.

Упоминание программно-аппаратных средств доступа характеризует возможный способ совершения деяния. Само наличие на устройстве виртуальной частной сети, прокси-сервера или корпоративного защищенного соединения не образует состава правонарушения, предусмотренного статьей 13.53 КоАП РФ. Такая технология применяется для удаленной работы, защиты трафика, доступа к корпоративной инфраструктуре и иных законных целей. Юридическое значение она приобретает только в совокупности с доказанными поиском, доступом, предметом, заведомостью и умыслом. Именно функциональное, а не технологическое толкование позволяет сохранить эффективность нормы и не создавать избыточных запретов для цифровой экономики.

Реклама средств доступа как самостоятельный правовой режим

Рекламный запрет имеет иной объект и иную логику. Часть 10.8 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» запрещает распространение рекламы программно-аппаратных средств доступа к ограниченным ресурсам и сетям. За нарушение частью 18 статьи 14.3 КоАП РФ установлены штрафы: для граждан – от пятидесяти до восьмидесяти тысяч рублей, для должностных лиц – от восьмидесяти до ста пятидесяти тысяч рублей, для юридических лиц – от двухсот до пятисот тысяч рублей [3, 13, 14]. Ответственность наступает не за пользование технологией и не за любой рассказ о ней, а за рекламное сообщение, продвигающее соответствующую функцию.

При квалификации необходимо сначала установить рекламный характер информации: наличие объекта рекламирования, направленность на привлечение внимания, формирование или поддержание интереса и продвижение на рынке. Затем оценивается смысл сообщения. Нейтральный обзор технологий защищенного соединения, сообщение о корпоративной кибербезопасности или критический анализ регулирования не должны автоматически превращаться в рекламу. Иная ситуация возникает, когда публикация содержит призыв установить сервис, сведения о тарифе, реферальную ссылку, обещание доступа к заблокированным ресурсам либо иные элементы коммерческого продвижения.

Одно из первых опубликованных решений территориального антимонопольного органа касалось размещения в Telegram-канале ссылок на сервисы «Atlanta VPN bot» и «Молния VPN». Комиссия признала публикации ненадлежащей рекламой с учетом их содержания, ссылок и обстоятельств размещения [15]. Значение этой практики состоит не в создании презумпции, что всякое упоминание сервиса является рекламой, а в подтверждении необходимости анализировать сообщение целиком: его цель, композицию, адресата, коммерческие маркеры и фактическую функцию ссылки.

Для практики разграничение двух режимов принципиально. По статье 13.53 КоАП РФ субъектом является гражданин, которому вменяется умышленная последовательность поиска и доступа. По части 18 статьи 14.3 КоАП РФ исследуются распространение рекламы и распределение ответственности между участниками рекламной цепочки. Совпадение технического объекта не означает совпадения состава, предмета доказывания или линии защиты.

Цифровое доказывание и стандарт защиты

Особенность статьи 13.53 КоАП РФ заключается в том, что почти все внешние следы деяния являются цифровыми, тогда как ключевые признаки – умысел и заведомость – относятся к внутренней стороне поведения. Общие правила КоАП РФ сохраняют здесь полную силу: лицо считается невиновным, не обязано доказывать свою невиновность, неустранимые сомнения толкуются в его пользу, а доказательства должны быть получены законно и оцениваться в совокупности, причем ни одно из них не имеет заранее установленной силы [3].

Из этого следует минимальная доказательственная матрица. Правоприменителю необходимо установить: принадлежность действия конкретному лицу, а не только устройству или учетной записи; содержание и последовательность запросов; точную дату и время; идентичность открытого материала позиции федерального списка; фактическую успешность доступа; обстоятельства, подтверждающие предварительное знание о статусе материала; цель и контекст поведения; целостность извлеченных данных и непрерывность их хранения. Каждый элемент отвечает на отдельный юридический вопрос и не может быть заменен соседним.

История браузера подтверждает обращение к адресу, но не всегда раскрывает содержание страницы и субъекта действия. Кэш может формироваться автоматически. Наличие приложения для защищенного соединения ничего не говорит о цели конкретной сессии. Снимок экрана без исходных метаданных не позволяет проверить время и полноту изображения. Даже поисковая формулировка, содержащая название материала, требует контекстуальной оценки: она могла быть введена при подготовке жалобы, научного текста, журналистской проверки или юридической консультации. Технический след является исходным фактом, а не готовым выводом о вине.

Первая получившая широкое освещение практика показала, что новая норма уже проходит судебную проверку: в мае 2026 г. Седьмой кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения постановление о штрафе в три тысячи рублей за поиск изображений символики формирования, признанного экстремистским [16]. Одного дела недостаточно для устойчивого обобщения, но оно подтверждает практическую значимость вопросов идентификации предмета, мотивации поиска и оценки цифровых данных.

Защитнику целесообразно проверять не только протокол, но и происхождение каждого цифрового доказательства. Существенны порядок изъятия и осмотра устройства, участие специалиста, фиксация версии программного обеспечения, временной зоны и настроек, сохранение исходного образа носителя, контрольных хэш-значений и журналов доступа к копии. Следует сопоставлять унифицированный указатель ресурса с фактически загруженным содержанием, дату включения материала в список – с датой поиска, а вывод о заведомости – с конкретными сообщениями и действиями лица. При отсутствии исходных данных воспроизводимость экспертного вывода становится предметом самостоятельного возражения.

Профессиональный доступ к информации: существующая коллизия

Защита по делам о поиске или распространении экстремистских материалов объективно требует установить содержание объекта, его совпадение с судебным решением и контекст действий доверителя. Сходная потребность возникает у ученого, преподавателя, журналиста, эксперта, законодателя и сотрудника правоохранительного органа. Однако по состоянию на 7 августа 2026 г. статья 13.53 КоАП РФ и Федеральный закон № 114-ФЗ не содержат прямого общего исключения для добросовестной профессиональной работы.

В марте 2026 г. публично обсуждалась поправка, разрешающая поиск в научных и исследовательских целях, а также в рамках правотворческой и правоохранительной деятельности. В окончательный текст Федерального закона от 26 июня 2026 г. № 210-ФЗ соответствующее изменение Федерального закона № 114-ФЗ не вошло [11, 17, 18]. Поэтому представлять такое исключение как действующую норму нельзя. Сохранение коллизии особенно заметно применительно к адвокату: обязанность проверить доказательство существует, но наиболее прямой способ проверки может внешне совпадать с объективными признаками нового состава.

Решением представляется функциональная оговорка, а не исключение по перечню профессий. Освобождение должно распространяться на действия, объективно необходимые для добросовестной научной, образовательной, журналистской, экспертной, адвокатской, правотворческой и правоохранительной деятельности, если соблюдены четыре условия: профессиональная цель документирована, объем доступа соразмерен задаче, исключено незаконное распространение, материал хранится и исследуется с соблюдением специальных мер безопасности. Такой подход не создает привилегии на свободный оборот запрещенного контента, а отделяет общественно полезную экспертизу от потребительского интереса к экстремистской идеологии.

До появления прямого регулирования профессиональный риск следует снижать процессуальными средствами. Для адвоката предпочтительны работа с материалом, уже приобщенным к делу, ходатайство о его осмотре в судебном заседании, привлечение специалиста, запрос заверенной копии судебного решения и индивидуализирующих признаков позиции списка, письменная фиксация цели исследования и исключение дальнейшего распространения. Эти меры не заменяют законодательной гарантии, однако позволяют

показать добросовестный контекст и отсутствие противоправной направленности.

Конституционный баланс и направления совершенствования

Конституция Российской Федерации гарантирует право свободно искать и получать информацию любым законным способом, право на квалифицированную юридическую помощь и допускает федеральные ограничения прав в мере, необходимой для защиты основ конституционного строя, прав других лиц, обороны страны и безопасности государства [19]. Следовательно, сама идея ограничения целенаправленного доступа к экстремистским материалам не противоречит конституционной модели. Юридическое значение имеют качество закона, соразмерность и процесс его применения.

В этом смысле правовая определенность не ослабляет государственный суверенитет, а переводит его из декларативной в правоприменимую форму. Предсказуемая норма точнее направляет профилактику на общественно опасное поведение, повышает устойчивость постановлений при обжаловании и укрепляет доверие к информационной политике государства. Напротив, автоматическая ответственность за пассивное получение ссылки либо за наличие программы защищенного соединения создавала бы избыточный сдерживающий эффект и отвлекала ресурсы от выявления действительно целенаправленного доступа.

Для дальнейшей настройки регулирования целесообразны пять мер. Первая – официальное обобщение судебной практики с разграничением активного поиска, пассивного показа и автоматической загрузки. Вторая – единый протокол фиксации цифровых доказательств, предусматривающий сохранение исходных данных, хэш-значений, временных параметров и воспроизводимого описания метода исследования. Третья – разъяснение антимонопольного органа о критериях рекламного характера публикаций о средствах доступа. Четвертая – стабильные машиночитаемые идентификаторы позиций федерального списка, позволяющие надежно сопоставлять материал и судебное решение. Пятая – функциональная профессиональная оговорка с требованиями соразмерности, конфиденциальности и отсутствия распространения.

Предложенные меры не направлены на демонтаж статьи 13.53 КоАП РФ. Напротив, они способны сделать ее более точным инструментом цифрового суверенитета. Для адвокатского сообщества это означает возможность проверять цифровое обвинение без размывания законных целей противодействия экстремизму, а для государства – получение более качественной экспертизы и устойчивой практики.

Заключение

Статья 13.53 КоАП РФ обозначила переход российского права от преимущественного регулирования распространения контента к оценке отдельных форм целенаправленного информационного поведения. Этот переход отвечает технологической реальности и легитимной задаче предупреждения экстремистской активности. Вместе с тем состав построен как совокупность ограничительных признаков: активный поиск, конкретный предмет, фактический доступ, заведомость и умысел. Ни наличие виртуальной частной сети, ни запись в истории браузера, ни случайное появление материала сами по себе ответственности не образуют.

Запрет рекламы средств доступа также должен применяться функционально: он пресекает продвижение возможности обхода законных ограничений, но не объявляет противоправной технологию защищенного соединения как таковую. В обоих режимах центральным становится качество квалификации и доказательств.

Оптимальная модель дальнейшего развития сочетает суверенное право государства защищать свое информационное пространство с точными процессуальными гарантиями. Стандарт цифрового доказывания, обобщение практики и профессиональная оговорка не ослабят противодействие экстремизму, а повысят его адресность. Успех новой нормы следует измерять не количеством дел, а способностью правопорядка уверенно отличать умышленный доступ к экстремистскому материалу от случайного контакта и добросовестной профессиональной работы.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115.

2. Федеральный закон от 31.07.2025 № 281-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310012.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Ст. 1.5, 2.2, 13.53, 14.3, 26.1, 26.2, 26.11 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

4. Малахов С.А. Несоответствие некоторых составов административных правонарушений в области связи и информации требованиям принципа пра-

вовой определенности // Административное право и процесс. 2025. № 10. С. 45–49. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-10-45-49.

5. Римский А.В., Дизер О.А., Кузнецов А.В. Проблемы правового регулирования противодействия распространению экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационных сетях: теоретический аспект и правоприменительная практика // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2026. Т. 51, № 1. С. 129–137. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-129-137.

6. Саттаров В.Д. Государственный контроль в информационном пространстве: юридический анализ // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 77–87. DOI: 10.33874/2072-9936-2026-0-2-77-87.

7. Бершицкий Э.Е. Правовая определенность и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2021. 154 с.

8. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2014. 157 с. DOI: 10.12737/5616.

9. Кудрявцев В.В., Мустакимов Н.С., Привалова Е.А. Значение и реализация административно-правовых механизмов контроля за информационным пространством в целях защиты основ конституционного строя // Административное и муниципальное право. 2025. № 6. С. 36–64. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.6.75288.

10. Лунгу Е.В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений // Lex russica. 2025. Т. 78, № 3. С. 86–97. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097.

11. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.

12. Министерство юстиции Российской Федерации. Экстремистские материалы [Электронный ресурс]. URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/.

13. Федеральный закон от 31.07.2025 № 332-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе"» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511149/.

14. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе». Ст. 5, ч. 10.8 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/.

15. Решение Вологодского УФАС России № 035/05/5-1030/2025 от 15.01.2026 [Электронный ресурс]. URL: https://br.fas.gov.ru/to/vologodskoe-ufas-rossii/010eeeec-aab9-4e09-a6ef-e3647eb6ad05/.

16. Кассация оставила без изменения первое в РФ решение по делу о поиске экстремистского контента // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/russia/1087814.

17. Экстремистские материалы в интернете разрешат искать ученым и правоохранителям // Forbes Russia [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/557652-ekstremistskie-materialy-v-internete-razresat-iskat-ucenym-i-pravoohranitelam.

18. Федеральный закон от 26.06.2026 № 210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_537891/.

19. Конституция Российской Федерации. Ст. 29, 48, 55 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28.12.2024 № 1124 «Ob utverzhdenii Strategii protivodejstviya e`kstremizmu v Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115.

2. Federal`ny`j zakon ot 31.07.2025 № 281-FZ [E`lektronny`j resurs]. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310012.

3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ. St. 1.5, 2.2, 13.53, 14.3, 26.1, 26.2, 26.11 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

4. Malaxov S.A. Nesootvetstvie nekotory`x sostavov administrativny`x pravonarushenij v oblasti svyazi i informacii trebovaniyam principa pravovoj opredelennosti // Administrativnoe pravo i process. 2025. № 10. S. 45–49. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-10-45-49.

5. Rimskij A.V., Dizer O.A., Kuzneczov A.V. Problemy` pravovogo regulirovaniya protivodejstviya rasprostraneniyu e`kstremistskix materialov v informacionno-telekommunikacionny`x setyax: teoreticheskij aspekt i pravoprimenitel`naya praktika // NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2026. T. 51, № 1. S. 129–137. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-129-137.

6. Sattarov V.D. Gosudarstvenny`j kontrol` v informacionnom prostranstve: yuridicheskij analiz // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2026. № 2. S. 77–87. DOI: 10.33874/2072-9936-2026-0-2-77-87.

7. Bershiczkij E`.E. Pravovaya opredelennost` i ocenochny`e kategorii: kratkij ocherk na primere sostavov pravonarushenij v razlichny`x otraslyax prava [E`lektronnoe izdanie]. M.: M-Logos, 2021. 154 s.

8. Vlasenko N.A. Razumnost` i opredelennost` v pravovom regulirovanii: monografiya. M.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii; INFRA-M, 2014. 157 s. DOI: 10.12737/5616.

9. Kudryavcev V.V., Mustakimov N.S., Privalova E.A. Znachenie i realizaciya administrativno-pravovy`x mexanizmov kontrolya za informacionny`m prostranstvom v celyax zashhity` osnov konstitucionnogo stroya // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2025. № 6. S. 36–64. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.6.75288.

10. Lungu E.V. Konstitucionny`e prava i svobody` cheloveka v svete cifrovizacii obshhestvenny`x otnoshenij // Lex russica. 2025. T. 78, № 3. S. 86–97. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097.

11. Federal`ny`j zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ «O protivodejstvii e`kstremistskoj deyatel`nosti» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.

12. Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii. E`kstremistskie materialy` [E`lektronny`j resurs]. URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/.

13. Federal`ny`j zakon ot 31.07.2025 № 332-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon «O reklame"» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511149/.

14. Federal`ny`j zakon ot 13.03.2006 № 38-FZ «O reklame». St. 5, ch. 10.8 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/.

15. Reshenie Vologodskogo UFAS Rossii № 035/05/5-1030/2025 ot 15.01.2026 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://br.fas.gov.ru/to/vologodskoe-ufas-rossii/010eeeec-aab9-4e09-a6ef-e3647eb6ad05/.

16. Kassaciya ostavila bez izmeneniya pervoe v RF reshenie po delu o poiske e`kstremistskogo kontenta // Interfaks [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.interfax.ru/russia/1087814.

17. E`kstremistskie materialy` v internete razreshat iskat` ucheny`m i pravooxranitelyam // Forbes Russia [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/557652-ekstremistskie-materialy-v-internete-razresat-iskat-ucenym-i-pravoohranitelam.

18. Federal`ny`j zakon ot 26.06.2026 № 210-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon «O svyazi» i otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_537891/.

19. Konstituciya Rossijskoj Federacii. St. 29, 48, 55 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

Статья поступила в редакцию 09.08.26;
одобрена после рецензирования 17.08.26;
принята к публикации 17.08.26.

The article was submitted 09.08.26;
approved after reviewing 17.08.26;
accepted for publication 17.08.26.